

## РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:

**Муртузалиев, С. И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской истории в России (XV – первая половина XIX в.). М.: Издательство «Таус» издательской группы «Мамонт», 2013. 408 с.**

*А. П. Чижов*

Книга доктора исторических наук, профессора С. И. Муртузалиева – первое в историографии исследование, в котором с позиций современной исторической науки дан глубокий аналитический обзор сведений по истории Болгарии и Османской империи XV–XVI вв., содержащихся в разнообразных источниках и в исторических сочинениях, охватывающих период с XV до середины XIX в.

Основное достоинство книги – междисциплинарный комплексный подход к теме, которая раскрывается в нескольких ракурсах, определенных задачами исследования. С. И. Муртузалиев анализирует источники по истории Болгарии и Османской империи и рассматривает их интерпретацию российскими и зарубежными историками; стремится выявить специфику становления исторических представлений по болгаро-турецкой проблематике и определить факторы, влиявшие на эволюцию, по удачному определению автора «болгаристики османского периода» в России. Примечательно, что значительное внимание уделено не только научной разработке болгаро-турецкой тематики в российской историографии на протяжении более четырех столетий, но и отношению общества к этому вопросу, а также распространению знаний по истории Болгарии и Османской империи XV–XVI вв. в процессе преподавания курса всеобщей истории в российских университетах и через обобщающие исторические труды.

Большим достоинством монографии является её богатая и разнообразная источниковая база, что также свидетельствует о научной новизне работы. Диапазон привлеченных источников – русских, болгарских, османских и западноевропейских – чрезвычайно широк и вполне убедителен. Здесь представлены летописи и хронографы, памятники публицистики и агиографическая литература, записки путешественников, мемуары и переписка российских славистов, исторические труды по истории России, славянских народов, по истории Османской империи и т.д.

Вполне приемлема и структура монографии, где основную историографическую часть (2–5 главы), помимо введения, предваряет краткий очерк болгарской истории периода установления османского владычества, что позволяет сориентировать читателя в проблемах истории Болгарии и Османской империи XV–XVI вв.

Ключевой историографический компонент монографии открывает вторая глава, посвященная изучению начального этапа османского господства в Болгарии, в России XV–XVIII вв. В главе рассматривается начало и развитие процесса накопления исторических знаний о болгарях на Руси. При этом автор подчеркивает, что первыми и основными источниками этих знаний были сведения русских монахов-странников, митрополитов Киприана и Григория Цамблака, болгарские и сербские историко-агиографические сочинения (особенно Житие Георгия Нового Софийского), русские летописи XVI в., Русский Хронограф в различных списках. С. И. Муртузалиев справедливо отмечает, что «фиксация и аккумуляция» фактического материала по истории Болгарии наряду с летописями происходит и в исторических сочинениях. Среди них автор выделяет «Скифскую историю» А. И. Лызлова – произведение нового типа, в котором появились элементы научного подхода к объяснению истории. Рассматривая процесс накопления в России знаний о Болгарии XV–XVI вв., автор монографии делает вывод, что к XVIII в. знания эти были весьма ограничены, а «незавершенность процесса оформления исторической дисциплины снижала возможность научного осмысления и анализа материала».

В значительно большей степени русское общество к началу XVIII в. было информировано об Османской империи и исламе, чему, по обоснованному мнению автора, способствовала деятельность Д. Кантемира, издание западноевропейских произведений о Турции (книги Л. Ф. Марсилли, П. Рико, В. Миньо и др.). Позднее, во второй половине

XVIII в., российская историография пополнилась отечественным сочинением по истории Турции – «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты» Ф. А. Эмина, отмеченное хорошим знанием современного положения Турции, её государственного и военного устройства, а также книгами П. А. Левашова, в основу которых были положены личные наблюдения русского дипломата.

Повышение интереса к Османской империи и, как следствие, к истории юго-славянских народов С. И. Муртузалиев связывает с деятельностью Петра I, инициировавшего издания целого ряда книг отечественных и европейских авторов по турецкой тематике.

Оригинальным представляется и сюжет главы, где автор анализирует учебники и пособия XVIII в. по всеобщей истории, стремясь выяснить степень отражения в них фрагментов болгарской истории. Вывод автора однозначен – в рассмотренной учебной литературе период болгарской истории после османского завоевания практически игнорируется, и в ней содержится крайне ограниченная информация. Отмечая это обстоятельство, С. И. Муртузалиев называет и причины такого положения, в частности влияние А. Л. Шлёцера на российскую историческую литературу. Шлёцер, подобно многим западноевропейским ученым, полагал, что внимания историка заслуживает только деяния «главнейших» народов, а не «второстепенных», среди которых (согласно такому взгляду) оказались болгары после потери государственной самостоятельности.

Вместе с тем приоритет турецкой тематике, как отмечает автор монографии, не означал полного забвения болгарских и в целом югославянских проблем, интерес к которым особенно возрастает в последней трети XVIII в. в силу обострения Восточного вопроса. Это утверждение иллюстрируется целым рядом примеров, среди которых особое место занимает сочинение сербского архимандрита Иоанна Раича «История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов, сербов...», изданная в России по решению Екатерины II. Во второй части своего труда «О народе Болгарском» Раич излагает историю Болгарии вплоть до конца XIV в. и приводит фактический материал из истории болгар XVI в. Объективно оценивая это сочинение, С. И. Муртузалиев заключает, что Раич был первым историком, который дал российскому читателю подробные сведения по истории Болгарии конца XVI в.

Помимо источников и литературы по османской и болгарской тематике во второй главе монографии систематизированы и охарактеризованы латино-немецкие публикации XVIII в., доступные российскому просвещенному обществу. Оценивая значение этой литературы, автор отмечает, что изложение истории Болгарии в ней доводится до османского завоевания и, несмотря на стремление излагать её в контексте балканской и европейской истории, она не могла пополнить знания о Болгарии XV–XVI вв. Тем не менее, эти труды все же внесли определенный вклад в развитие исторических знаний о болгарях и содействовали завершению оформления российской исторической науки.

В заключении главы следует обоснованный вывод, что XV–XVIII вв. явились подготовительным этапом в изучении истории болгарского народа XV–XVI вв., предисторией отечественной славистики и османистики.

Третья глава монографии содержит сравнительный анализ обобщающих трудов крупнейших отечественных ученых по истории России, в которых С. И. Муртузалиев стремится выявить болгаро-турецкие сюжеты по истории данного периода и выяснить причины их включения в фундаментальные труды российских исследователей. Интересен выбор авторов, ставших объектом изучения: А. И. Манкиев – секретарь русской миссии в Швеции, императрица Екатерина II и, конечно, ученые, труды которых по общепринятой точке зрения являлись официальными историями России – В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин. Особое внимание автор монографии уделяет творчеству В. Н. Татищева, его «Истории Российской», в которой предпринята «первая в России попытка критического осмысления материалов по истории славян».

В результате анализа рассмотренных сочинений, С. И. Муртузалиев отмечает, что турецкие сюжеты в них преобладали над болгарскими прежде всего из-за обострения и активизации русско-турецких отношений в XVIII в. В описании истории Болгарии преобладали события военно-политического и церковного характера. По мнению автора, это диктовалось в значительной мере корпусом используемых источников (можно добавить, что это являлось и следствием общего уровня исторической науки того времени), а также

целями и задачами историков, степенью интереса официальной России к болгарам и балканским народам вообще в разные исторические периоды.

Значительный научный интерес представляет и четвертая глава рецензируемой монографии, посвященная болгарской проблематике в российской историографии первой половины XIX в. Глава начинается с анализа болгаро-турецкой тематики в 12-ти томной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, оказавшего большое влияние на развитие русского славяноведения XIX в. Характеризуя труд, ставший событием в российской историографии, С. И. Муртузалиев обращает внимание на его композиционные особенности. В частности, «Примечания к основному тексту «Истории...» представляют собой «уникальное собрание впервые вводимых в научный оборот источников». Автор монографии справедливо акцентирует внимание на это обстоятельство в связи с болгаро-турецким материалом по истории XIV–XVI вв. в сочинении Карамзина не случайно – значительно больший его объем содержится именно в «Примечаниях», а не в основном тексте. С. И. Муртузалиев вполне обоснованно заключает, что труд Карамзина «пробудил дополнительный интерес к средневековой истории южных славян» и способствовал более широкому, чем раньше, распространению знаний по истории Болгарии в первые два столетия османского владычества. Вместе с тем, можно полностью согласиться с мнением автора, что говорить о каком-то особом вкладе Карамзина в изучение истории Болгарии не приходится, что, собственно, и не входило в его задачи.

Не менее интересен авторский анализ объема информации по истории Болгарии и Османской империи XV–XVI вв., содержащейся в трудах по всеобщей истории иностранных и отечественных авторов. Учитывая влияние западноевропейской науки на процесс формирования в России исторического знания по всеобщей истории и значение переводных трудов зарубежных авторов, данный сюжет начинается с рассмотрения во многом типичных сочинений французского аббата Клода Милло и немецкого ученого Иоганна Шрекка. Характеризуя труды названных авторов, С. И. Муртузалиев отмечает, что привлечение единичных, разрозненных сведений по истории Болгарии в их сочинениях, обезличенность болгарских сюжетов объясняется первостепенным вниманием историков к «главным» господствующим народам. Это привело к «включению» Болгарии в историю Османской империи, в результате чего события болгарской истории во всеобщих историях западноевропейских ученых приобретали второстепенное значение.

По справедливому замечанию автора труды западных ученых принимались за образец российскими историками при создании собственных всеобщих историй, что отразилось и на их отношении к истории «неглавного» болгарского народа. Это положение иллюстрируется работами Е. Ф. Зябловского, Т. Каменецкого, И. К. Кайданова, С. Н. Смарагдова, а вывод автора о их низком общем уровне полностью совпадает с мнением Т. Н. Грановского, высказанном в одной из лекций в 1849/50 учебном году.

Несомненной заслугой автора является стремление связать разработку болгарской проблематики в историографии первой половины XIX в. с общим состоянием «русской науки о всеобщей истории», с ее трудностями, обусловленными идеологической системой России, утверждением в начале 30-х годов охранительной теории «официальной народности». В связи с этим заслуживает особого внимания анализ творчества Т. Н. Грановского и его вклада в отечественную славистику.

Автор монографии резюмирует, что болгарская история XV–XVI вв., в силу утвердившегося среди историков того времени разделения народов на «главные» и «неглавные», не привлекала особого внимания Грановского и нет оснований говорить о каком-то непосредственном вкладе ученого в ее разработку. Однако Грановский способствовал, по словам автора, «продвижению исследований о южных славянах на более высокую ступень», что именно ему «принадлежит идея более основательного изучения славянских народов в рамках курса всеобщей истории».

Вполне органично вписываются в главу и взгляды на проблему одного из оппонентов Грановского, славянофила А. С. Хомякова, выступившего против почти исключительного внимания к истории западноевропейских народов и оставлении в тени «громкого племени славянского». Крупнейший идеолог славянства способствовал, по мнению автора, «привлечению внимания российских ученых к фольклору, этнографии, истории и современному положению болгар, сербов и других славянских народов в Османской империи».

Материал главы в целом приводит к выводу о том, что история Болгарии и других южнославянских народов в первой половине XIX в. рассматривалась в русле османистики, опережавшей развитие славяноведения. Однако развитие российской исторической мысли в 1830-х годах создавало теоретическую и методологическую основу для «более глубокого изучения проблем всеобщей истории», в том числе и истории Болгарии.

Завершает содержательную часть монографии глава, посвященная становлению российской славистики и ее первым шагам в изучении истории Болгарии XV–XVI вв. Автор останавливается на причинах, обусловивших начало и развитие этого процесса, называя в числе основных «славянский вопрос», повышение внимания российской и западноевропейской общественности к национально-освободительной борьбе балканских народов, рост интереса к проблеме происхождения русского и близких ему славянских народов, что объективно активизировало интерес к изучению раннесредневековой истории Болгарии.

В первом параграфе главы анализируются сведения о Болгарии в российских и переводных трудах, издававшихся в первой трети XIX в. В связи с этим, автор на основе изучения научной продукции, делает вывод, что вплоть до середины 1820-х годов сюжеты об историческом прошлом болгарского народа в период османского завоевания были крайне редкими – исключение составляли произведения митрополита Евгения (Е. А. Болховитинова), К. Ф. Калайдовича и членов Румянцевского кружка. Среди них выделялся П. М. Строев, предпринявший в 1820–1821 гг. публикацию источников, относящихся к болгарской истории конца XIV–начала XVI в. Столь же незначительными были сведения о болгарях и в российской журнальной публицистике, в которой отсутствовали целостные сюжеты по болгарской истории. Как единственный случай выглядела обширная статья А. М. Спиридова, опубликованная в двух номерах журнала «Северный архив» за 1823 г., где автор делает развернутый обзор положения славянских народов в европейской части Османской империи. Анализ статьи Спиридова привел автора рецензируемой монографии к выводу, что приводимый в ней материал позволял российскому читателю судить о тяжелом положении болгар Османской империи. Отмечая слабые стороны статьи (Спиридов, например, не имел точного представления о границах распространения болгарского этнонима), С. И. Мургузалиев положительно оценивает творчество этого автора и вполне обоснованно считает его работу одной из первых в России по этнографии дунайских болгар.

Значительное внимание в главе уделяется творчеству Ю. И. Венелина, которого принято считать первым болгаристом России. Объектом внимания автора монографии стала, в первую очередь, проблема османского господства в болгарских землях XV–XVI вв. в исследованиях этого самобытного ученого. Анализ творчества Венелина в этом аспекте С. И. Мургузалиев начинает с его «Замечаний на сочинение Г-на Яковенки о Молдавии, Валахии и проч.», опубликованных в журнале «Московский вестник» за 1828 г. В этой рецензии, написанной в виде писем-«эпистол», молодой болгарист впервые изложил свои взгляды на историю Болгарии в начальный период османского владычества, в целом верно оценив общую ситуацию в Болгарии в конце XIV – начале XV в. По мнению автора монографии, взгляды Венелина на этот период истории болгарского народа остались неизменными и в его более поздних работах.

Автор монографии тщательно изучал труды Венелина в хронологической последовательности их выхода в свет в период 20–30-х годов XIX в. Среди них особое место занимает книга «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829). В монографии рассмотрены основные положения этого труда, вызвавшего интерес у российской научной общественности еще при жизни молодого ученого, тщательно проанализированы спорные гипотезы и порой ошибочные выводы автора. С. И. Мургузалиев отмечает, что несмотря на целый ряд слабых мест и спорных оценок, подмены исторической критики методом исторического правдоподобия, обусловленных во многом отсутствием специальной исторической и славистической подготовки Венелина, его труд занял достойное место в российской болгаристике. Большое значение имел общий вывод автора по истории Болгарии периода османского господства – несмотря на значительные потери «от долговременного железного ига и убийственной политики Порты...», болгарский народ однако не перестал существовать», и Россия обязана помочь ему возродиться. Круг рассматриваемых проблем по истории Болгарии XV–XVI вв. сравнительно невелик, однако, как отмечается в моногра-

фии, он связан с кардинальными вопросами болгарской истории и стремлением Венелина к созданию научной средневековой истории Болгарии.

Из других произведений Венелина внимание С. И. Муртузалиева привлекли его путевые заметки во время путешествия в Болгарию в 1830 г., переработанные и изданные П. А. Бессоновым в 1857 г. Записи личных наблюдений Венелина обогатили знания о положении болгар в Османской империи, привлекали внимание к болгарскому и, в целом, к славянскому фольклору, к проблеме духовного развития болгар, тесно связанной с «на-  
рождающейся болгарской литературой».

В завершении главы автор, отмечая неоднозначное отношение к идеям Венелина, рассматривает их влияние на творчество славистов 1830–1840-х годов. Перед читателем проходят сочинения Н. Н. Мурзакевича, работы видного болгарского общественного деятеля В. Е. Априлова, Н. В. Савельева-Ростиславича, В. А. Панова, В. И. Григоровича и др. Оценивая творчество этой плеяды славистов, С. И. Муртузалиев выделяет Григоровича, который единственный занимался специальным изучением славянских памятников XV–XVI вв., уделяя первостепенное внимание болгарским источникам. Большой заслугой Григоровича явилось «выявление новых источников по истории Болгарии XV–XVI вв.», часть из которых уже к середине XIX в. была введена в научный оборот.

В целом, становление и развитие российской болгаристики в 40–50-х годах XIX в., заключает автор, было тесно связано с политической ситуацией и цензурными ограничениями в России, что привело к замедлению «процесса изучения истории Болгарии XV–XVI вв. и всего периода османского господства в болгарских землях».

В заключении монографии содержатся развернутые и аргументированные выводы по проблеме исследования. Можно полностью согласиться с тем, что к середине XIX в. российские слависты создали реальные предпосылки для «развития нового научного направления – болгаристики османского периода».

Завершая обзор исследования С. И. Муртузалиева, следует отметить его масштабность и глубину. Анализируя этапы историографии истории Болгарии периода османского владычества, автор обращает внимание на слабые и недостаточно изученные места в разработке теоретических и методологических вопросов. Монография позволяет более обоснованно судить о процессах накопления знаний о Болгарии в тесной связи с формированием российской ориенталистики и исламоведения. Что дает основание констатировать: историографическое исследование С. И. Муртузалиева является событием в современной болгаристике и достойным вкладом в историческую науку.